

Погребальные маски Плёсинского могильника в Пермском крае

Крыласова Наталья Борисовна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований,
Уральское отделение Российской академии наук. Россия, г. Екатеринбург; профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0003-2032-8292. E-mail: n.krylasova@mail.ru

Аннотация. В Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка среди материалов из раскопок Плёсинского могильника в Гайнском муниципальном округе Пермского края хранится серия серебряных погребальных масок. Могильник раскапывался в 1960–1961 гг. под руководством В. А. Оборина, больше не исследовался, и, несмотря на уникальные материалы, отдельно не публиковался. Использование серебряных масок характерно для могильников ломоватовской археологической культуры VII–XI вв., где они в особых случаях нашивались на матерчатые покрывала, закрывавшие лицо покойных. В коллекции Плёсинского могильника представлены как маски в виде наглазников и наротников из наиболее ранних погребений VIII – первой половины IX в., так и маски-личины X в. Наибольший интерес представляют маски-личины, которые привлекают внимание своей миниатюрностью и простотой изготовления, что выделяет их среди других известных масок. Как и на других памятниках, маски использовались в погребениях мужчин-воинов с набором предметов вооружения и в богатых женских захоронениях. На могильнике впервые отмечена дифференциация в размерах масок в зависимости от пола погребенных – самые маленькие масочки происходят из женских погребений. На основе анализа масок выдвинуто предположение, что на территории, где располагался Плёсинский могильник, очевидно, испытывался дефицит серебряных пластин и отсутствовали профессиональные ювелиры. Маски изготовлены из обрезков пластин и вышедших из употребления предметов с помощью простейших технологических приемов. Предположительно их изготовлением могли заниматься местные кузнецы.

Ключевые слова: археология, эпоха Средневековья, Пермский край, ломоватовская культура, Плёсинский могильник, серебряные маски.

К одной из характерных черт погребального обряда ломоватовской археологической культуры VII–XI вв. в Пермском крае принадлежит использование погребальных лицевых покрытий в виде матерчатого (шелкового) покрывала, на которое в особых случаях нашивались серебряные погребальные маски, монеты или просто кусочки серебряных пластин.

Появление погребальных масок относится к эпохе Великого переселения народов, когда на территории таежного Приуралья появились пришлые группы, принесшие сюда курганный обряд захоронений. В спорах об этническом составе мигрантов точка окончательно не поставлена, преобладает мнение о том, что появление курганных некрополей в Приуралье связано с миграцией поздних сарматов [27 с. 165–169]. Но не исключено, что было несколько волн миграций с разных территорий. Кем конкретно в Предуралье привнесены металлические погребальные маски, пока не установлено. Большинство исследователей склонно связывать обычай использования погребальных лицевых покрытий с культурой угорских племен, у которых отдельные элементы этого обычая сохранялись и в этнографическое время [5, с. 106–112].

В эволюции металлических масок выделяется три хронологические группы.

В период VI – начала IX в. в Приуралье известны *раздельные маски – наглазники и наротники*. Наглазники встречаются чаще, имеют форму восьмеркообразных или овальных пластин с прорезями для глаз, реже это отдельные миндалевидные пластины для каждого глаза с прорезями такой же формы. Наротники имеют овальную форму с овальной или миндалевидной прорезью.

Наиболее ранние из этой группы – золотые и серебряные маски из I Веслянского могильника VI в. н. э. [29, с. 119; 31, с. 92, рис. 1/26–27], серебряные наглазники и наротник из

кургана XXIII могильника Борганъоль в бассейне средней Вычегды [2, с. 447, рис. 5–6, с. 448, рис. 6/7–8] и маски из курганного могильника Вомынъяг на верхней Вычегде в современной Республике Коми [4, с. 41]. В VII – начале IX в. наибольшее распространение таких масок наблюдалось на памятниках ломоватовской и неволинской археологических культур Пермского Предуралья: в могильнике у д. Броды [1, с. 60], в Горбунятском [12, табл. XXXIX/25–26], в Селянинском могильнике в бас. р. Сылва [15, с. 84], в Деменковском [7, с. 101], Баяновском, Плесинском [9, табл. 35/23–25; 26, с. 44–48]; Загарском могильниках [32, табл. XXXI/28]. Подобные маски известны и на территории Башкирии в Стерлитамакском могильнике [3, рис. 2/1, 4; 20, рис. 49/1–3]. Золотая маска в виде наглазника и наротника обнаружена в венгерском могильнике Ракамаз второй пол. IX – X в. [34, илл. XI].

В IX в. распространились маски-«полуличины» переходного типа, представляющие собой маску-личину, разделенную на две части: верхнюю для глаз и носа и нижнюю для рта и подбородка. Они бытовали непродолжительное время и уже к концу IX в. сосуществовали с масками-личинами следующей хронологической группы.

Маски-личины характерны преимущественно для X–XI вв., представляют собой серебряную пластину овальной (реже прямоугольной, трапециевидной) формы. На них обозначены глаза, рот и нос, на особо тщательно выполненных экземплярах рельефом выделены щеки, брови, иногда воспроизведены даже усы и татуировка, встречаются чеканный орнамент, позолота и чернение. Такие маски в основном характерны для ломоватовских могильников Пермского Предуралья (Баяновского, Редикарского, Плесинского, Огурдинского, Рождественского), встречены в значительном количестве погребений раннеболгарского Танкеевского могильника [16, с. 23], что, вероятно, обусловлено присутствием среди захороненных переселенцев – носителей ломоватовской культуры, а также в одиночном захоронении IX–X вв. у с. Манвеловка в Днепропетровской области [33].

Во второй половине XX в., когда происходило выделение ломоватовской археологической культуры и определение ее характерных особенностей, масок было известно сравнительно немного, и отдельного описания они не удостоились. В монографии Р. Д. Голдиной упомянуто лишь, что «в нескольких случаях лица погребенных были покрыты серебряными масками» [10, с. 33]. Сейчас за счет многолетних исследований Баяновского, Рождественского, Огурдинского могильников в Пермском крае количество находок масок существенно возросло, и внимание исследователей стало обращаться не только на их хронологические особенности и роль в погребальном обряде, но и на технологический аспект, поскольку маски – особая категория ювелирной продукции. Выявились отдельные территориальные различия, вероятно, обусловленные традициями разных ювелирных центров. В этом плане весьма примечательна коллекция масок из Плесинского могильника, хранящаяся в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П. И. Субботина-Пермяка.

Отдельно материалы исследований Плесинского могильника не публиковались, за исключением небольшой заметки, где вкратце изложены результаты раскопок 1960 г. [26, с. 97–99] Могильник обнаружили в 1960 г. при строительстве трансформаторной будки на окраине д. Плёс (ныне д. Плёсо Гайнского муниципального округа Пермского края): «В августе 1960 г. в Кудымкарский краеведческий музей монтером сельэлектро Л. В. Бычковым были доставлены древние вещи, найденные... при рытье небольших траншей для заземления трансформаторной будки»; «кроме Л. В. Бычкова в работах принимали участие бригадир колхоза И. С. Петров, шофер А. А. Мышкин и монтер Л. А. Лихачев...» По их рассказам установлено, что «были разрушены три погребения» [23, с. 4, 6]. В сентябре 1960 г. музей организовал экспедицию, во время которой, кроме раскопок Плесинского могильника, проводилась разведка в бассейне р. Велвы. Следует подчеркнуть, что Гайнский муниципальный округ находится в отдаленной северо-западной части Пермского края, расстояние от Перми до п. Гайны 357 км, а д. Плёсо находится в 25 км выше по р. Каме от Гайн (для примера: расстояние от Перми до Екатеринбургa 361 км). Транспортная инфраструктура района до сих пор развита слабо. Как отмечал в отчете В. А. Оборин, для переброски в Гайнский район были использованы самолет, автомашина, самоходная баржа, а в разведке по бассейну р. Велвы – мотоцикл [23, с. 1]. Именно по причине труднодоступности и недостатка ресурсов раскопки Плесинского могильника продолжались всего два года, и больше не появилось возможности исследовать этот интересный памятник.

В 1960–1961 гг. на Плесинском могильнике двумя раскопами была вскрыта площадь 988 кв. м (см. рис. 1), изучено 51 погребение (не считая трех, разрушенных при строительстве

трансформаторной будки) (см. рис. 2). Из них происходит девять масок, которые присутствовали в 16,7 % погребений, что является весьма высоким показателем.

Три маски, переданные в музей Л. В. Бычковым, зарисованы и вкратце описаны в дневнике В. А. Оборина [13, с. 18] (рис. 3):

– *Первая* (см. рис. 4, 4) представляет собой подпрямоугольную серебряную пластину размерами 8,7 x 5 см, в центре которой намечена личина – глаза в виде округлых выпуклин, длинный нос с выступающим кончиком, выполненный чеканкой, рот в виде маленького отверстия миндалевидной формы; сверху по углам пластины и снизу ближе к центру пробиты четыре треугольных отверстия для крепления маски к матерчатой основе. В описании В. А. Оборина «Серебряная пластинка м. б. маска. На углах и в центре – грубые прорезы пробиты концом ножа. Глаза и нос намечены в виде выпуклых выдавин, сделанных с обратной стороны круглым орудием (шилом!)» (см. рис. 3).

– *Второй предмет* представляет собой фрагмент миниатюрной маски в виде полуовальной серебряной пластины размерами 2,7 x 2,5 см с овальными глазами и длинным узким носом, с округлым отверстием для крепления, пробитым в верхней части пластины (см. рис. 3).

– *Третий предмет* (см. рис. 4, 8) – трапециевидная серебряная пластинка размерами 4,5 x 2,5–3,5 см с треугольными отверстиями, пробитыми по углам широкой стороны пластины и по центру узкой. Эти отверстия, служившие для крепления пластины, располагались так, что одновременно будто изображали глаза и рот. Последние две пластины В. А. Оборин подписал: «Такие же пластинки с прорубами».

В процессе раскопок обнаружены следующие маски:

– *В погребении № 6* (см. рис. 4, 5) – маска в виде прямоугольной серебряной пластины размерами 12 x 7,5 см, в верхней части которой вырезаны овальные глаза, рот миндалевидной формы, выдавлен прямой широкий нос. По углам пробиты подтреугольные отверстия для крепления. В описании В. А. Оборина: «...маска из тонкого серебряного листа с 4 отверстиями для привязывания (ножом). Отверстия сделаны для глаз и рта – прорублены грубо. На месте носа – выпуклость, выбитая изнутри, ширина около 2 см, выходит за площадь листа на 0,8 см» [13, с. 37].

В погребении № 6 (см. рис. 5), ориентированном на юго-запад, хорошо сохранился костяк в вытянутом на спине положении. По обеим сторонам черепа у висков находились два серебряных височных кольца с гроздьевидной привеской (9), на лобной части черепа лежала маленькая медная пряжка (10) и серебряная пластинка (11) (возможно, от головного убора). На лицевой части черепа находилась описанная выше маска (1). В области живота лежал костяной гребень с фигурками двух лошадей на спинке (2). Справа у берцовой кости находились железное кресало и два кремешка для высекания огня (4), слева у ноги – большой железный нож с остатками деревянной рукояти (3). В ногах костяка лежало оружие: три железных наконечника стрел (5–6) и железный боевой топорик (7). По мнению В. А. Оборина, погребение могло принадлежать мальчику-подростку [23, с. 22] (отметим, что антропологических определений не проводилось, здесь и далее – предположения автора раскопок. – *Авт.*).

– *В погребении № 21* (рис. 4, 6) – маска в виде овальной серебряной пластины размерами 4 x 3 см, в верхней части которой выпуклинами обозначены глаза и нос, по углам сверху пробито два треугольных отверстия для крепления. В Дневнике В. А. Оборин подписал: «Серебр. маска. Выпукл. вдавления» (см. рис. 6, Б) [13, с. 92]. Маска находится в коллекции музея в составе инвентаря погребения № 21. Однако по каким-то причинам ее забыли нанести на план, и, соответственно, в отчете она также не была описана.

В погребении № 21 (см. рис. 6, А), ориентированном на запад – юго-запад, выявлены остатки костяка. В изголовье располагался керамический сосуд (1), в ногах – железный нож (13). На костяке и рядом с ним находилось большое количество украшений, при анализе расположения которых в процессе реконструкции костюма [17, рис. 56] установлено:

– по обеим сторонам черепа лежали маленькие серебряные височные подвески с гроздьевидной привеской (2);

– правая коса с набором наконечных украшений (спиралевидные и литые пронизки, шумящие подвески) была закинута на левое плечо так, что пронизки в составе низок располагались под подбородком, а шумящие умбоновидные подвески на концах низок – у левого плеча (3), «здесь же лежало очень искусно вырезанное из кости изображение лошади. Грива лошади сделана прорезной. Туловище украшено нарезным геометрическим орнаментом» (4) [24, с. 23];

– левая коса с набором наконечных украшений была уложена вдоль плечевой кости (8), а конец косы с шумящими умбоновидными подвесками закинут на живот (5);

– «в нижней части груди лежали две серебряные тонкие монеты на круглых медных подкладках» (7) [24, с. 23];

– на левой «локтевой кости был надет медный пластинчатый браслет с расширенными и чуть загнутыми концами» (9) [24, с. 23];

– слева у бедра «лежало несколько медных украшений. Среди них – литая подвеска, изображавшая довольно реалистически фигуру лебедя с тонкой выгнутой шеей, длинным клювом» (10–11) [24, с. 23]. Эти украшения, включавшие еще трубчатые и колоколовидные пронизки, составляли кисть низок, подвешенную к поясу.

Согласно заключению В. А. Оборина, «по размерам могильной ямы и находкам вещей погребение, скорее всего, принадлежало девушке-подростку» [24, с. 24].

– В погребении № 26 (см. рис. 4, 7) – маска трапециевидной формы размерами 8 x 5–8 см, составленная из трех серебряных пластин (верхняя шириной 4,5, средняя и нижняя – примерно по 2 см), склепанных между собой. На верхней пластине вырезаны глаза миндалевидной формы, между верхней и средней пластинами – рот аналогичной формы. По углам пластины пробито четыре треугольных отверстия для крепления маски к матерчатой основе. По описанию В. А. Оборина: «Серебряная тонкая маска, склепанная из трех пластин. Заклепки тонкие плоские паст. с загнутыми внутрь концами» [14, с. 15].

Костяк сохранился плохо, судя его остаткам, он был уложен головой на запад вытянуто на спине (см. рис. 7, А) [24, с. 27]. Слева от черепа располагался железный наконечник копья (1). На обломках черепа лежала четырехугольная серебряная маска (2). «Вдоль северного края ямы лежал железный меч концом к западу, рукояткой к востоку» (3). «Меч имел деревянные ножны, обложенные сверху листовым серебром», которые «прикреплялись к поясу с помощью двух серебряных скоб» [24, с. 28]. «Рядом с мечом был найден костяной гребень, украшенный двумя фигурками лошадей» (8). «Слева от меча найдены медная литая пряжка пояса... (4) и медный наконечник ремня. Слева от рукояти лежали массивные железные удила с прямыми псалиями и кольцами (7), а рядом с ними – скопление украшений – круглых медных гладких бус, а также большая подвеска-колокольчик из белого сплава (10) и два медных пластинчатых браслета (9)... Здесь же лежал и обломок калачевидного железного кресала (11). У южного края могильной ямы лежала... костяная рукоять плетки, украшенная в верхней части реалистически сделанной головкой лошади...» (6) [24, с. 28–29]. В ногах погребенного находились железное стремя (13), железная подпружная пряжка (17), боевой топор (15), наконечники стрел (14, 16, 18), костяная цилиндрическая рукоять кинжала (19), а сам кинжал лежал возле рукояти меча (12).

По заключению В. А. Оборина, «погребение принадлежало богатому мужчине-воину» [24, с. 29].

– В погребении № 32 (см. рис. 4, 3) – маска в виде подпрямоугольной пластины размерами 9,8 x 2,5 см, представляющая собой фрагмент изделия, украшенного двумя группами горизонтальных полос, окаймленных сверху и снизу рядами точечного орнамента; между ними – два ряда концентрических кружков; над линейным орнаментом – концентрические кружки, расположенные в форме пирамиды. На гладком поле над орнаментом – изображение личины: глаза в виде выпуклин, рот в виде миндалевидной прорези.

По описанию В. А. Оборина (см. рис. 8, А): «Кости... не сохранились... погребение было ориентировано головой на запад. В западной части погребения лежало железное втульчатое четырехгранное копьё (1). Здесь же находилась серебряная планка (2), украшенная в несколько рядов кружковым циркульным орнаментом в сочетании с параллельными выпуклыми линиями. Эта пластинка была превращена в маску. В верхней части ее были сделаны три маленьких отверстия – два на месте глаз и одно овальное – на месте рта. Реального значения, как покрытие лица, маска не имела из-за своих малых размеров. Она лишь символизировала настоящую маску и была грубым ее подражанием. Рядом с маской лежала небольшая серебряная накладка без орнамента. В области пояса находились две квадратные бляшки с прямоугольной прорезью, сделанные из белого сплава (3). Ниже их лежал рабочий топор... (4), рядом с ним – еще одна квадратная бляха поясного набора (3). В области ног находились три железных ромбовидных наконечника стрел и один более крупный наконечник копья (5)... Рядом с ними лежал медный наконечник ремня (6). Погребение по вещам является мужским» [24, с. 34–35].

– В погребении № 43 (см. рис. 4, 1) – маска из двух частей. Наглазник представлял собой пластину миндалевидной формы размерами 5 x 1,7 см с двумя прямоугольными прорезями для глаз; по краям пластины пробиты треугольные отверстия для крепления. Наротник в виде овальной пластины размерами 4,2 x 1,5 см с овальной прорезью.

Погребение было ориентировано на юго-запад. Кости сохранились плохо. «Около черепа находилось железное четырехгранное шило и две прямоугольных серебряных пластинки. Справа вдоль костей рук лежало несколько наконечников стрел... Около ног находились две медных овальных бляшки с прорезью – часть поясного набора и две маленьких серебряных накладок – части маски. Одна из них имела овальную форму и прорези по краям и служила символической накладкой на глаза, другая тоже овальной формы имела длинную прорезь посередине и служила накладкой на рот. По вещам погребение можно отнести к мужским» (см. рис. 9) [24, с. 44–45].

– В погребении № 45 (см. рис. 4, 2) – фрагмент маски-наглазника в виде пластинки миндалевидной формы размерами 4,8 x 1,1 см с миндалевидной прорезью.

Погребение было ориентировано головой на юг (рис. 10, А). «В южной части ямы лежал обломок медного проволочного височного кольца с напускной полой бусиной (1). Рядом... шумящие подвески – одна полая конусовидной формы с литыми подвесками-бубенчиками (3), другая – с круглой прорезной основой и ушком и колесовидными прорезными подвесками (4). Здесь же находилась тонкая овальная серебряная пластинка с большой прорезью посередине, являвшаяся частью маски, накладывавшейся на рот (5). Рядом лежало... скопление стеклянных бус (6) и медная дужка еще от одного височного кольца (2). Основная часть украшений составляла части поясного набора (9). Пояс, очевидно, был не надет, а брошен в могилу» [24, с. 45–46]. Это типичный пояс т. н. «неволинского типа» (см. рис. 10, Б). «Кроме поясного набора в области пояса лежало еще несколько украшений. Здесь была еще одна шумящая подвеска с круглой прорезной основой и колесовидными прорезными подвесками (4), две шумящих подвески с основой в виде трех колечек и с двумя колесовидными непрорезными подвесками (8). Здесь же находилось скопление бус – круглые сердоликовые, голубые стеклянные с коричневыми и красными глазками (6). Здесь же лежали два обломка тонкой витой серебряной шейной гривны (7)... Рядом с поясным набором находилась сломанная гладкая медная подвеска с изображением фигуры лошади (10). Слева от пояса лежал брусковидный кусок железа (12)... В ногах... лежал большой прямоспинный железный нож с железной обоймой у черешка (14), а в центре... – обломки большого глиняного сосуда (13)... По обилию разнообразных украшений погребение можно считать женским» [24, с. 46–48].

Итак, в двух погребениях Плёминского могильника были обнаружены маски в виде наглазников и наротников, принадлежащие к первой хронологической группе VI – начала IX в. В мужском погребении № 43 находились полуовальные поясные накладки с прямоугольной прорезью, которые в ломоватовской и неволинской культурах Пермского Предуралья характерны для комплексов конца VII – первой половины IX в. [10, табл. XII/9; 12, табл. LXVIII/45, LXIX/36], известны в курганах Южного Урала IX–X вв. [20, рис. 20/21, 24/12, 30/6]. В женском погребении № 45 наиболее выразительным является пояс «неволинского типа» – такие пояса характерны для неволинской стадии неволинской культуры и деменковской стадии ломоватовской культуры конца VII – VIII в. [10, рис. 16/82; 12, табл. LXVIII].

Остальные маски относятся к «личинам». Судя по материалам погребений, они могут датироваться первой половиной X в., лишь погребение № 32, возможно, более раннее.

Так, в погребении № 6 присутствовали серебряные височные подвески с гроздьевидной привеской IX – первой половины X в. [28, с. 98], бронзовая восьмеркообразная пряжка с овальной рамкой и прямоугольным приемником для ремня, датируемая по прикамским аналогиям X–XI вв., и фрагмент костяного гребня IX–X вв. с фигурками коней на спинке [18, с. 249–252], в целом погребение можно отнести к первой половине X в.

В погребении № 21 содержались аналогичные височные подвески IX – первой половины X в., шумящие подвески с основой из небольших умбонов и привесками в виде реалистичных лапок, получившими распространение на баяновской стадии ломоватовской культуры (с начала до последней четверти X в.) [27, с. 238–240], пластинчатый браслет с чеканным геометрическим орнаментом, датируемый X в. [21, с. 125–126], несколько архаично в этом комплексе выглядит только пронизка-лебедь, характерная для предыдущей урынской стадии (к. VIII – IX в.) [27, с. 236], в целом же погребение можно отнести к первой половине X в.

В погребении № 26 находились пряжка и гребень, как в погребении № 6, пластинчатый браслет, как в погребении № 21, и оно тоже может быть отнесено к первой половине X в.

В погребении № 32 присутствовали накладки поясного набора – квадратные с прямоугольной прорезью. Такие накладки получили распространение на урьинской стадии ломоватовской культуры (к. VIII – IX в.) и сохранялись в начале X в., позже прорези стали делать сердцевидной формы. Погребение, вероятнее всего, следует отнести к концу IX в.

Главное, что обращает на себя внимание в коллекции масок Плёсинского могильника, это их миниатюрность. Только две из них (из п. 6 и 26) по размерам могут быть сопоставимы со сравнительно небольшими масками из Рождественского и Огурдинского могильников [6, с. 80]. Они сопровождали воинов с наборами предметов вооружения, среди которых в погребении № 26 особо выделялась сабля, а в погребении № 6 – боевой топорик. Третья по размерам маска происходит из погребения, разрушенного при строительстве трансформаторной будки. Как отмечал В. А. Оборин, «по рассказам можно... установить, что были разрушены три погребения – два из них, видимо, женские – с шумящими подвесками, перстнями, височными кольцами и бусами, с глиняными горшками, и одно – мужское – с наконечниками стрел, копьем, боевым топором, круглоглопоровочными браслетами, железными удилами» [23, с. 6]. Можно предположить, что эта маска происходит из мужского погребения. И наконец, четвертая по размерам маска (погр. № 32) также найдена в погребении воина с копьем, наконечниками стрел и топориком. А все маленькие масочки, подобных которым нигде более не известно, соотносятся, таким образом, с женскими захоронениями. И на основании этого с осторожностью можно предположить, что население, оставившее Плёсинский могильник, дифференцировало размеры масок в зависимости от пола погребенных, хотя однозначно утверждать это нельзя, так как достоверно не известно, с какими разрушенными погребениями соотносятся маски, переданные в музей Л. В. Бычковым, да и количество изученных на памятнике погребений сравнительно невелико, чтобы делать однозначные выводы.

Миниатюрность плёсинских масок, очевидно, объясняется дефицитом серебряных пластин (хотя в целом недостатка в серебре, судя по изобилию в погребениях серебряных предметов, не существовало). Вероятнее всего, на этой территории не было своих мастеров, обладавших навыкамиковки серебра, и для изготовления масок использовали готовые пластины, поступавшие извне, фрагменты каких-то изделий. Анализ масок показал, что они изготовлены из высокопробного серебра (Ag более 93 %) (анализ проводился Ю. А. Подосёновой), источником которого являлись восточные монеты. Высокое содержание серебра характерно для изделий Пермского Предуралья, и пластины могли поступать из центральных районов расселения носителей ломоватовской культуры, где имелись ювелирные мастерские.

Значительный интерес представляет маска из погребения № 32 на фрагменте орнаментированной пластины (см. рис. 11, А). В результате поиска аналогий установлено, что маска, очевидно, изготовлена из фрагмента нагрудника, подобного тому, который обнаружен в жертвенном комплексе погребения № 33 Тат-Боярского могильника в Кировской области (см. рис. 11, Б). В основе этого нагрудника находились три пластины из листового серебра, украшенные в технике штамповки и чеканки линейным, циркульным и точечным орнаментом, почти идентичным тому, который прослеживается на пластине маски из погребения № 32. В таком же стиле оформлены накладки кошелька, бляшки поясного набора, нагрудные подвески в составе комплекса. Н. А. Лещинская отнесла данный комплекс к VIII, возможно, к началу IX в. [19, с. 678]. Погребение № 32 принадлежит к более позднему времени, очевидно, что давно вышедшее из употребления изделие, из которого была изготовлена маска, сохранялось как сырье для дальнейшей переработки. При более внимательном рассмотрении следы орнамента были выявлены и на отдельной маске из погребения № 43 (рис. 12): на наглазнике – в виде кривой решетки из парных линий, а на наротнике – в виде параллельных линий с таким же шагом, как на предмете из погр. № 32 и на нагруднике из Тат-Боярского могильника. Датировка этой маски вполне совпадает с датировкой нагрудника.

Ближние по технологии и декору фрагменты серебряных украшений обнаружены в районе Булгара (коллекция А. Ф. Лихачева, 1868 г.) [30, № 24, илл. 41]. Больше аналогий обнаружить не удалось, судя по всему, данный вид изделий был достаточно редким. По мнению Н. А. Лещинской, «однотипность некоторых предметов позволяет предположить, что они могли быть изготовлены в одном центре, но пока не представляется возможным связать его с какой-либо определенной культурой Волго-Камья» [19, с. 678].

Другим ярким примером, свидетельствующим о дефиците серебряных пластин, является маска из погребения № 26, собранная из трех пластин, склепанных между собой.

Еще одна характерная особенность плёсинских масок – это их преимущественно прямоугольная или трапецевидная форма, в то время как обычно маски-личицы были овальными.

Вполне возможно, что эта особенность обусловлена недостаточной квалификацией мастеров, изготовивших маски (такую геометричную форму создать проще). Это прослеживается и в других деталях. В частности, лишь на двух масках есть прорезы на месте глаз и рта, на одной – только на месте рта, а на одной маске отверстие на месте рта пробито. Только на одной маске с помощью выколотки сформирован нос. В остальных случаях для обозначения глаз и носа использовался чекан с круглой головкой, с помощью которого получены выпуклости. Отверстия для пришивания маски к тканевому покрывалу преимущественно пробиты кончиком ножа. В целом работа выполнена неаккуратно и неумело. Судя по инструментам, сопровождавшим отдельные мужские захоронения Плёсинского могильника, в составе населения имелись ремесленники, но, очевидно, среди них не было профессиональных ювелиров. Предположительно изготовление масок происходило непосредственно перед захоронением (заказывать их заранее или покупать «на будущее» было не принято), и приходилось обращаться к местному мастеру, умевшему работать с металлом, вероятнее всего, к кузнецу. Поэтому изящной выколотки, проработки деталей, использования орнаментов и специальных техник (позолоты, черни) на плёсинских масках не наблюдается.

Серебряные погребальные маски ломоватовской культуры привлекают внимание своей таинственностью как символы связи миров. А выделяющаяся на общем фоне коллекция масок Плёсинского могильника подкупает своей миниатюрностью и даже некоторой «неказистостью», и позволяет немного приоткрыть завесу в мир обрядов и ритуалов средневекового прошлого...

Список литературы

1. Арне Т. Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург ; Сургут : Уральский рабочий, 2005. 182 с.
2. Археология Республики Коми / Э. А. Савельева, В. С. Стоколос, П. Ю. Павлов и др. ; отв. ред. Э. А. Савельева ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории, Отд. археологии. М. : ДиК, 1997. 756,[2] с. : ил.
3. Ахмеров Р. Б. Стерлитамакский могильник и его изучение // Археологические памятники нижнего Прикамья. Казань : КФ АН СССР, 1984. С. 27–39.
4. Ашихмина Л. А. О функции металлических масок в курганах эпохи великого переселения народов на европейском Северо-Востоке // Новые идеи и концепции в минералогии : материалы III междунар. минералогического семинара. Сыктывкар : Геопринт, 2002. С. 41–42.
5. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа : Вагант, 2009. 285 с., ил. 79.
6. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Новые находки погребальных масок на Рождественском могильнике // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2021. Вып. XIX. С. 77–83. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-77-83.
7. Генинг В. Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 6. Екатеринбург : УрГУ, 1964. С. 94–163.
8. Генинг В. Ф. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Сылвы, произведенных в 1951 г. по поручению Кунгурского краеведческого музея // РА ИА РАН. Р-1. № 589.
9. Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. Свердловск : УрГУ, 1970. С. 57–112.
10. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Иркутский университет, 1985. 280 с.
11. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск : Удмуртский ун-т, 1999. 464 с., ил. Цв. вклейка.
12. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Иркутский университет, 1990. 176 с.
13. Дневник В. А. Оборина. Плесинский могильник. Раскопки 1960–1961 гг. Тетрадь 1: Погр. № 1-23. ПКМ 20712/1736.
14. Дневник В. А. Оборина. Плесинский могильник. Раскопки 1960–1961 гг. Тетрадь 2: Погр. № 24-51. ПКМ 20712/1737.
15. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М. : Наука, 1978. 132 с.
16. Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань : ИИ АНТ, 2007. 208 с.
17. Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Пермь : ПГПУ, 2001. 260 с.
18. Крыласова Н. Б. Археология повседневности. Пермь : ПГПУ, 2007. 352 с.
19. Лещинская Н. А. Жертвенный комплекс погребения 33 Тат-Боярского могильника еманаевской археологической культуры: информационный потенциал // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 4. С. 668–682. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-668-682.
20. Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 163 с.

21. *Моряхина К. В.* Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья : дис. ... канд. ист. наук. Рукопись. Пермь, 2018. 296 с., ил.
22. *Моряхина К. В.* Ремесленные и хозяйственные орудия Плесинского могильника // Вестник гуманитарного образования». 2024. № 4(36). С. 96–104. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.063.
23. *Оборин В. А.* Отчет о работе археологической экспедиции 1960 г., могильник близ д. Плесо Гайнского района. Пермь, 1960. 64 с. Ф. 926. О. 1. Д. 10.
24. *Оборин В. А.* Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея им. П. И. Субботина-Пермяка в июле 1961 г. Пермь, 1961 // Архив ИА РАН. Д. 2280.
25. *Оборин В. А.* Отчет о работе Верхнекамского отряда КАЭ Молотовского университета в июле-сентябре 1953 г. Молотов, 1954 // РА ИА РАН. р.1, 912. № 3100.
26. *Оборин В. А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Второе Уральское археологическое совещание. Свердловск : УрГУ, 1962. С. 95–99.
27. *Очерки археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие / А. М. Белавин и др. ; под ред. д-ра ист. наук, профессора Н. Б. Крыласовой ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2022. 315 с., ил. 335.*
28. *Подосенова Ю. А.* Височные украшения средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь : ПГГПУ, 2021. 210 с.
29. *Розенфельдт Р. Л.* Ванвиздинская культура. Коми-зырянские племена IX–XI вв. Вымская культура // Финно-угры и балты эпохи средневековья. Археология СССР. М. : Наука, 1987. С. 116–130.
30. *Руденко К. А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман, 2015. 528 с., ил.
31. *Савельева Э. А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского 1 могильника // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. Вып. 158: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. 1979. С. 91–96.
32. *Спицын А. А.* Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков с предисловием Члена Императорской Археологической Комиссии А. А. Спицына. СПб. : Тип-я В. Безобразова и К°, 1902. 150 с.
33. *Чурилова Л. Н.* Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине // Советская археология. 1986. № 4. С. 261–266.
34. *Fodor I.* In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest : Corvina Kiado, 1982. 416 p.

Приложение

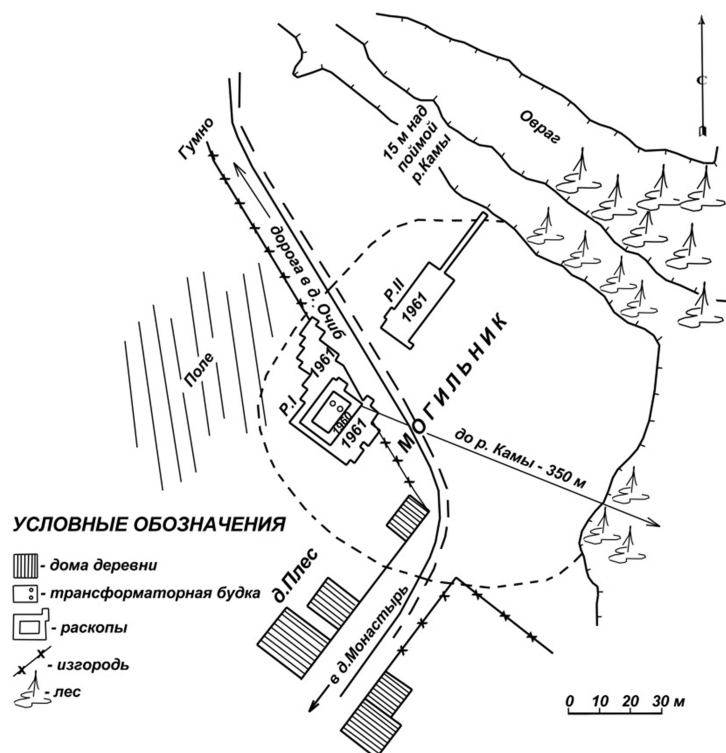

Рис. 1. План Плесинского могильника (по В. А. Оборину [24])

Рис. 2. В. А. Оборин в процессе разборки погребения Плёсинского могильника (ПОКМ 20712/1683 к/о 1749)

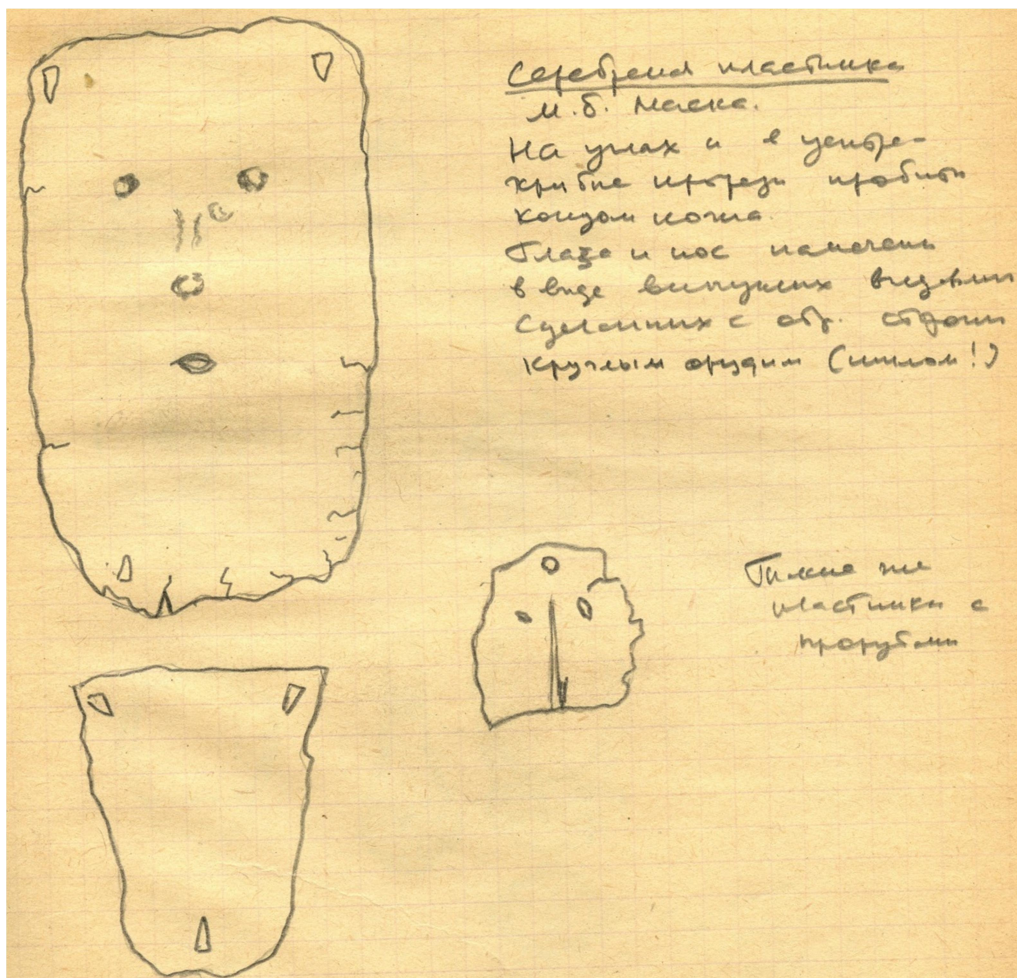

Рис. 3. Прорисовка масок, переданных в 1960 г. в Кудымкарский краеведческий музей Л. В. Бычковым [13, с. 18]

Рис. 4. Маски Плёсинского могильника: 1 – п. 43, 2 – п. 45, 3 – п. 32, 4, 8 – из разруш. погребений, 5 – п. 6, 6 – п. 21, 7 – п. 26.

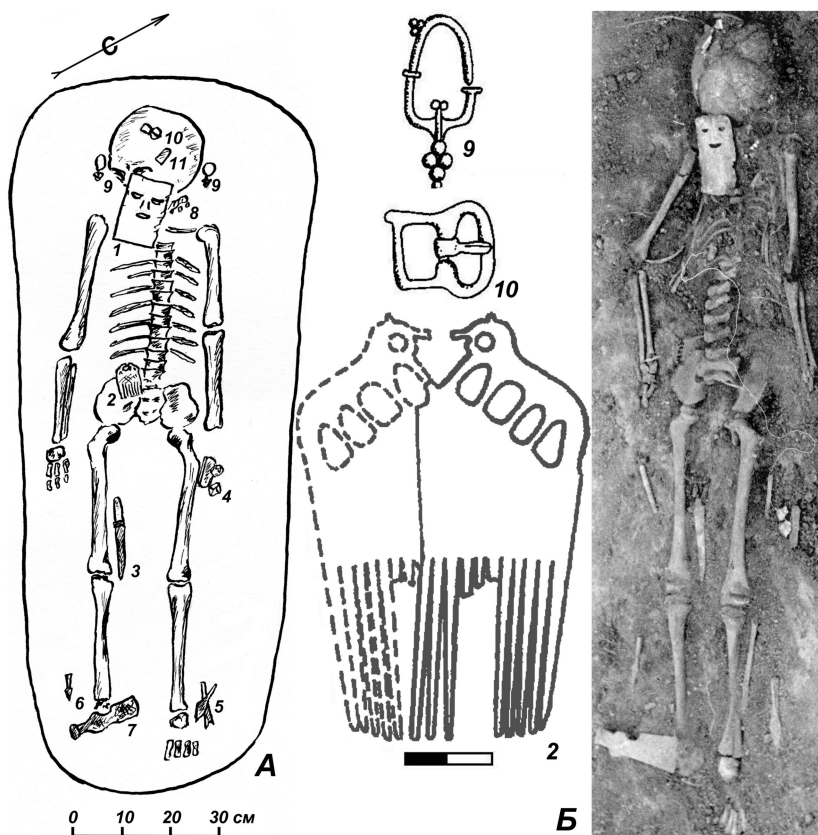

Рис. 5. Погребение № 6 Плёсинского могильника: А – план, элементы погребального инвентаря, Б – фото (ПОКМ 20712/1687 к/о 1753)

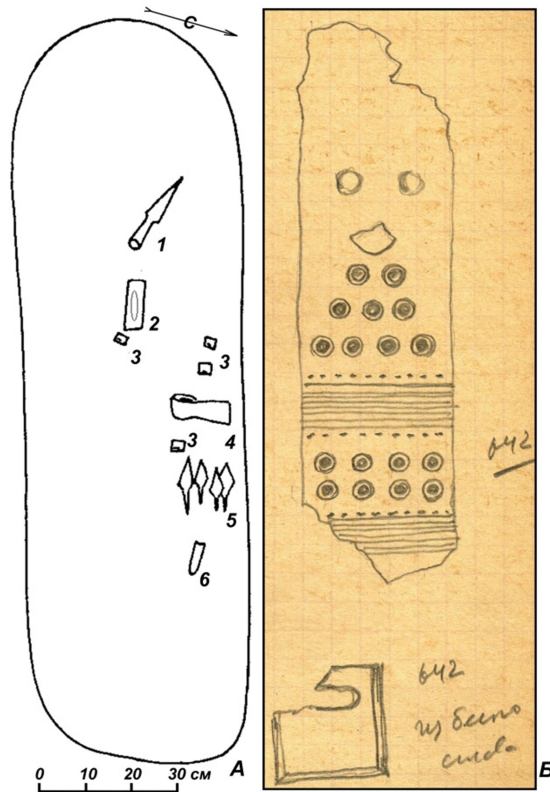

Рис. 8. Погребение № 32 Плёсинского могильника: А – план, Б – фрагмент страницы из дневника В. А. Оборина [14, с. 32]

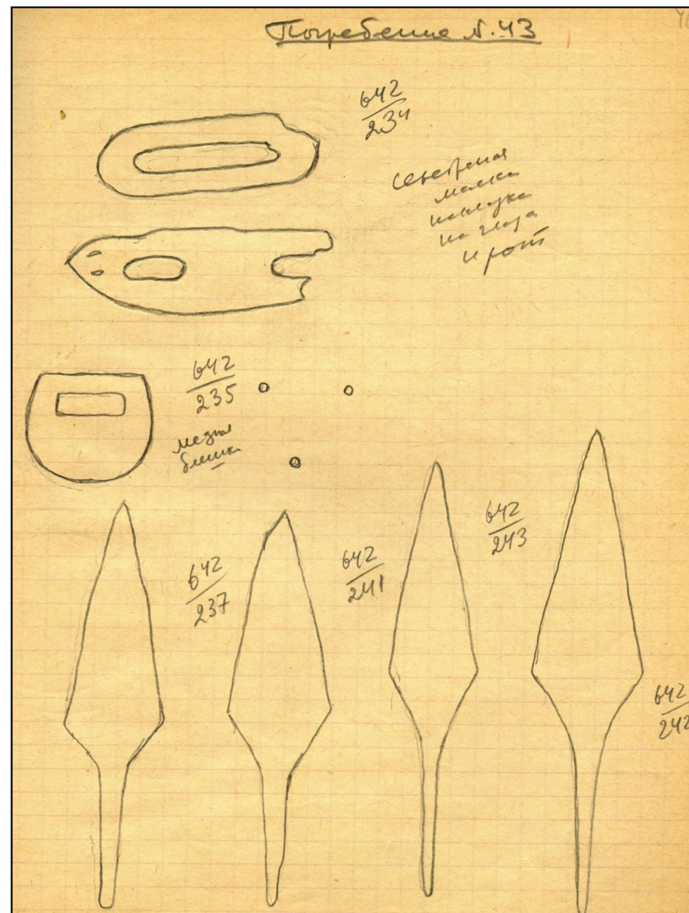

Рис. 9. Погребение № 43 Плёсинского могильника, элементы погребального инвентаря – фрагмент страницы из дневника В. А. Оборина [14, с. 46]

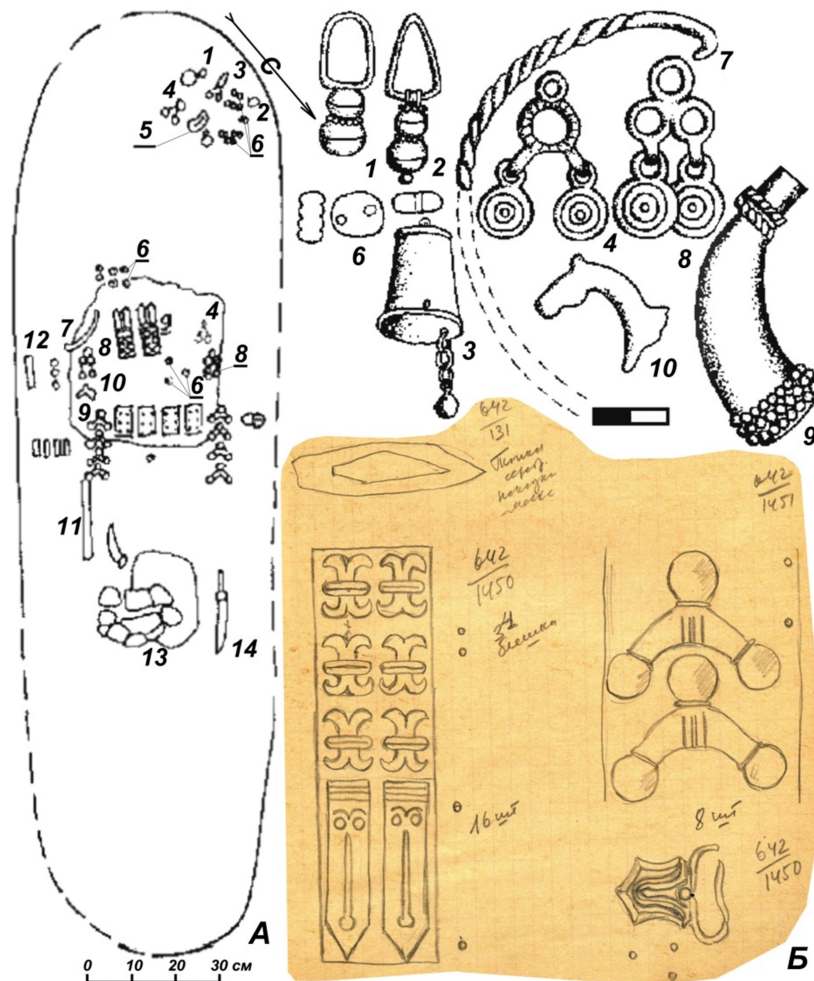

Рис. 10. Погребение № 45 Плещинского могильника: А – план, элементы погребального инвентаря, Б – фрагмент страницы из дневника В. А. Оборина [14, с. 52]

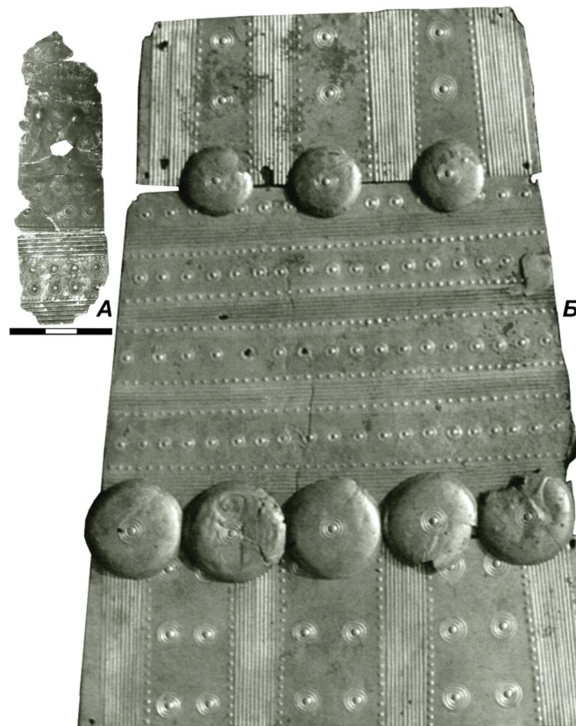

Рис. 11. А – маска из погребения № 32 Плещинского могильника, Б – нагрудник из Тат-Боярского могильника (по Р. Д. Голдиной [11])

Рис. 12. Маска из погребения № 43 Плёсинского могильника

Funeral masks of the Plesinsky burial ground in the Perm region

Krylasova Natalia Borisovna

Doctor of Historical Sciences, chief researcher of the Institute of Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Russia, Yekaterinburg; professor, Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-2032-8292. E-mail: n.krylasova@mail.ru

Abstract. A series of silver burial masks are kept in the Komi-Permyak Museum of Local History named after P. I. Subbotin-Permyak among the materials from the excavations of the Plesinsky burial ground in the Gainsky municipal district of the Perm region. The burial ground was excavated in 1960–1961 under the direction of V. A. Oborin and was not studied any more, and, despite the unique materials, was not published separately. The use of silver masks is typical for the burial grounds of the Lomovatovskaya archaeological culture of the 7th–11th centuries, where they were sewn on cloth covers that covered the faces of the deceased in special cases. The collection of the Plesinsky burial ground includes both masks in the form of eye and scapular covers from the earliest burials of the 8th – first half of the 9th centuries, and mask-faces of the 10th century. Of greatest interest are the mask-faces, which attract attention with their miniature size and ease of manufacture, which distinguishes them from other known masks. As in other sites, masks were used in the burials of male warriors with a set of weapons and in rich female burials. The burial ground was the first to note a differentiation in the size of masks depending on the sex of the buried – the smallest masks come from female burials. Based on the analysis of the masks, it has been suggested that in the area where the Plesinsky burial ground was located, there was obviously a shortage of silver plates and there were no professional jewelers. The masks were made from scraps of plates and obsolete objects using the simplest technological methods. Presumably, they could have been made by local blacksmiths.

Keywords: archeology, medieval era, Perm region, Lomovatovskaya culture, Plesinsky burial ground, silver masks.

References

1. Arne T. J. Barsov Gorodok. Zapadnosibirskij mogil'nik zheleznogo veka [Barsov Gorodok. West Siberian Iron Age burial ground]. Ekaterinburg, Surgut, Ural'skij rabochij (Ural worker), 2005. 182 p.
2. *Arheologiya Respubliki Komi* [Archeology of the Komi Republic] / E'. A. Savel'eva, V. S. Stokolos, P. Yu. Pavlov et al. ; resp. ed. E'. A. Savel'eva ; RAS, Ural. department, Komi scientific. Center, Institute of Languages, lit. and history, Dept. archeology. M., DiK, 1997. 756,[2] p. : il.
3. Ahmerov R. B. Sterlitamakskij mogil'nik i ego izuchenie [Sterlitamak burial ground and its study] // *Arheologicheskie pamyatniki nizhnego Prikam'ya – Archaeological monuments of the lower Kama region*. Kazan', KF AN SSSR, 1984. Pp. 27–39.
4. Ashihmina L. A. O funkcii metallicheskih masok v kurganah e'pohi velikogo pereseleniya narodov na evropejskom Severo-Vostoke [On the function of metal masks in burial mounds of the Great Migration Period in the European North-East] // *Novy'e idei i koncepcii v mineralogii : Materialy' III mezhdunarodnogo mineralog-*

ichesкого seminara – New ideas and concepts in mineralogy: Proceedings of the III International Mineralogical Seminar. Sy'kty'vkar. Geoprint, 2002. Pp. 41–42.

5. Belavin A. M., Ivanov V. A., Kry'lasova N. B. *Ugry' Predural'ya v drevnosti i srednie veka* [The Ugrians of the Urals in ancient times and the Middle Ages]. Ufa, Vagant, 2009. 285 p, il. 79.

6. Belavin A. M., Kry'lasova N. B. *Novye nahodki pogrebal'ny'h masok na Rozhdestvenskom mogil'nike* [New finds of burial masks at the Rozhdestvensky burial ground] // *Trudy' Kamskoj arheologo-e'tnograficheskoj e'kspedicii* – Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. 2021. Is. XIX. Pp. 77–83. DOI: 10.24412/2658-7637-2021-19-77-83.

7. Gening V. F. *Demenskij mogil'nik – pamyatnik lomovatovskoj kul'tury'* [Demenskij burial ground – a monument of the Lomovatovskaya culture] // *Voprosy' arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. Is. 6. Ekaterinburg, UrSU, 1964. Pp. 94–163.

8. Gening V. F. *Otchet ob arheologicheskikh razvedkah v bassejne r. Sy'lvyy', proizvedenny'h v 1951 g. po porucheniyu Kungurskogo kraevedcheskogo muzeya* [Report on archaeological exploration in the Sylva River basin, carried out in 1951 on behalf of the Kungur Museum of Local History]. RA IA RAS. R-1. No. 589.

9. Goldina R. D. *Mogil'niki VII–IX vv. na Verhnej Kame* [Burial grounds of the 7th–9th centuries on the Upper Kama] // *Voprosy' arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. Is. 9. Sverdlovsk, UrSU, 1970. Pp. 57–112.

10. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatovskaya culture in the Upper Kama region]. Irkutsk, Irkutsk University, 1985. 280 p.

11. Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk, Udmurt University, 1999. 464 p., il. Col. Paste.

12. Goldina R. D., Vodolago N. V. *Mogil'niki nevolinskoj kul'tury' v Priural'e* [Burial grounds of the Nevolin-skaya culture in the Urals]. Irkutsk, Irkutsk University, 1990. 176 p.

13. Dnevnik V. A. *Oborina. Plesinskij mogil'nik. Raskopki 1960–1961 g* [Diary of V. A. Oborin. Plesinsky burial ground. Excavations 1960–1961]. Notebook 1: Burials No. 1–23. PKM 20712/1736.

14. Dnevnik V. A. *Oborina. Plesinskij mogil'nik. Raskopki 1960–1961 g*. [Diary of V. A. Oborin. Plesinsky burial ground. Excavations 1960–1961]. Notebook 2: Burial No. 24–51. PKM 20712/1737.

15. Kazakov E. P. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochny'h rajonah Tatarii* [Monuments of the Bulgarian era in the eastern regions of Tataria]. M., Nauka (Science), 1978. 132 p.

16. Kazakov E. P. *Volzhskie bolgary', ugry' i finny' v IX–XIV vv.: problemy' vzaimodejstviya* [Volga Bulgarians, Ugrians and Finns in the 9th–14th centuries: problems of interaction]. Kazan': II ANT, 2007. 208 p.

17. Kry'lasova N. B. *Istoriya prikamskogo kostyuma* [The history of the Kama costume]. Perm', PSPU, 2001. 260 p.

18. Kry'lasova N. B. *Arheologiya povsednevnosti* [Archaeology of Everyday Life]. Perm', PSPU, 2007. 352 p.

19. Leshhinskaya N. A. *Zhertvenny'j kompleks pogrebeniya 33 Tat-Boyarskogo mogil'nika emanaevskoj arheologicheskoy kul'tury': informacionny'j potencial* [Sacrificial complex of burial 33 of the Tat-Boyarsky burial ground of the Emanae archaeological culture: information potential] // *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* – Yearbook of Finno-Ugric studies. 2021. Vol. 15. No. 4. Pp. 668–682. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-4-668-682.

20. Mazhitov N. A. *Kurgany' Yuzhnogo Urala VIII – XII vv.* [Kurgans of the Southern Urals, 8th–12th centuries]. M., Nauka (Science), 1981. 163 p.

21. Moryahina K. V. *Ukrasheniya ruk srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya : dis. kand. ist. nauk* [Hand decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Manuscript, 2018. 296 p., il.

22. Moryahina K. V. *Remeslenny'e i hozyajstvenny'e orudiya Plesinskogo mogil'nika* [Craft and household tools of the Plesinsky burial ground] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. No. 4 (36), 2024. Pp. 96–104. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.063.

23. Oborin V. A. *Otchet o rabote arheologicheskoy e'kspedicii 1960 g., mogil'nik bliz' d. Plyoso Gajnskogo rajona* [Report on the work of the archaeological expedition of 1960, burial ground near the village of Pleso, Gainsky District]. Perm', 1960. 64 p. F. 926. O. 1. D. 10.

24. Oborin V. A. *Otchet o rabote arheologicheskoy e'kspedicii Permskogo gosudarstvennogo universiteta i Komi-Permyaczskogo okruzhnogo kraevedcheskogo muzeya im. P. I. Subbotina-Permyaka v iyule 1961 g.* [Report on the work of the archaeological expedition of Perm State University and the Komi-Permyak Okrug Museum of Local History n. a. P. I. Subbotin-Permyak in July 1961]. Perm', 1961 // Archive IA RAN. D. 2280.

25. Oborin V. A. *Otchet o rabote Verhnekamskogo otryada KAE' Molotovskogo universiteta v iyule-sentyabre 1953 g.* [Report on the work of the Verkhnekamsk detachment of the AEC of Molotov University in July-September 1953]. Molotov, 1954. RA IA RAN, r1, 912, No. 3100.

26. Oborin V. A. *Raskopki pamyatnikov zheleznogo veka v Verhnem Prikam'e* [Excavations of Iron Age sites in the Upper Kama region] // *Voprosy' arheologii Urala. Vy'p. 2. Vtoroe Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie* – Issues of Ural Archaeology. Is. 2. Second Ural Archaeological Conference. Sverdlovsk, UrSU, 1962. Pp. 95–99.

27. *Ocherki arheologii Permskogo Predural'ya : uchebnoe posobie* [Essays on the archeology of the Perm Cis-Urals : a textbook] / A. M. Belavin et al.; ed. by d-r hist. sciences, professor N. B. Kry'lasova ; Perm State Humanitarian and Pedagogical University. 2nd ed., corrected and enlarged. Perm, 2022. 315 p., ill. 335.

28. Podosenova Yu. A. *Visochny'e ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya* [Temple decorations of the medieval population of the Perm Cis-Urals]. Perm', PSHU, 2021. 210 p.

29. Rozenfel'dt R. L. *Vanvizdinskaya kul'tura. Komi-zyrianskie plemena IX–XI vv. Vy'mskaya kul'tura* [Vanvizdinskaya culture. Komi-Zyryan tribes of the 9th–11th centuries. Vymskaya culture] // *Finno-ugry' i balty' e'pohi srednevekov'ya. Arheologiya SSSR* – Finno-Ugrians and Balts of the Middle Ages. M., Nauka (Science), 1987. Pp. 116–130.

30. Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgar Silver. Antiquities of Bilyar]. Vol. II. Kazan', Zaman, 2015. 528 p., il.

31. Savel'eva E'. A. *Hronologiya pogrebal'ny'h kompleksov Veslyanskogo 1 mogil'nika* [Chronology of burial complexes of Veslyansky 1 burial ground] // *Kratkie soobshheniya o dokladah i polevy'h issledovaniyah Instituta arheologii. Vy'p. 158: Problemy' hronologii pamyatnikov Evrazii v e'pohu rannego srednevekov'ya* – Brief reports on reports and field research of the Institute of Archaeology. Issue 158: Problems of the chronology of Eurasian monuments in the early Middle Ages. 1979. Pp. 91–96.

32. Spicyn A. A. *Drevnosti kamskoj chudi po kollekcii Teplouhovy'h. Atlas risunkov s predisloviem Chlena Imperatorskoj Arheologicheskoy Komissii A. A. Spicyna* [Antiquities of the Kama Chud from the Teploukhov Collection. Atlas of Drawings with a Preface by Member of the Imperial Archaeological Commission A. A. Spitsyn]. SPb., V. Bezobrazov and Co., 1902. 150 p.

33. Churilova L. N. *Pogrebenie s serebryanoj maskoj u sela Manvelovki na Dnepropetrovshhine* [Burial with a silver mask near the village of Manvelovka in the Dnepropetrovsk region] // *Sovetskaya arheologiya* – Soviet archeology. 1986, No. 4. Pp. 261–266.

34. Fodor I. *In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest.* Budapest : Corvina Kiado, 1982. 416 p.

Поступила в редакцию: 08.07.2025

Принята к публикации: 09.12.2025